

Вау, как же круто мама закончила телефонный разговор! Тао Синъи перестала плакать и завороченно, с сияющими глазами смотрела на свою маму. Она до глубины души обожала эту добрую женщину — как вообще можно быть такой замечательной? По сравнению с ней некоторые люди просто меркнут.

Да, речь именно о Чжао Инъюань. Мало того что ей плевать на собственную дочь, Хэ Эньнин, так она еще и постоянно ее обижает. Дожить до таких лет и быть такой никудышной матерью — это просто за гранью понимания.

— Раз уж ты позвонила отцу Хэ Яньли, мне больше не нужно ее забирать, — Чжао Инъюань почувствовала, как с плеч свалился тяжкий груз. — Если бы они не давили на меня, я бы ни за что не стала ее брать, столько с ней мороки.

— Чжао Инъюань! — Хуа Сюньси наконец вышла из себя. — Впредь, если у тебя есть претензии, при моих детях держи их при себе. Хочешь высказаться — делай это за пределами дома Тао. Мне все равно, любишь ты своих детей или нет, но если ты еще раз скажешь что-то плохое о моих — не обессудь, я больше не буду считать тебя подругой.

Она и так слишком долго терпела. С самого рождения Синъи Инъюань только и делала, что жаловалась на то, какой обузой является ребенок. Сама не способна нормально воспитать собственную дочь, так почему позволяет себе осуждать других?

— Ты чего так разозлилась? Это же всего лишь два...

Чжао Инъюань хотела что-то добавить, но, увидев, в каком состоянии находится подруга, предпочла промолчать. И правда, как она вообще может находить удовольствие в такой головной боли?

Ни замужество, ни дети — сплошные хлопоты. Зачем Сюньси сама себе создает такие проблемы? Она покачала головой и ушла.

— Ну вот и всё, наша Синъи больше не плачет. Иди поиграй с сестричкой Эньнин, — Хуа Сюньси опустила девочку на пол и ласково потрепала ее по голове. — Твоя сестричка Эньнин пробудет здесь еще очень долго.

Тао Синъи прекрасно поняла смысл этих слов, но все же притворилась невинным ребенком и радостно закивала.

А вот Хэ Эньнин поняла лишь то, что может остаться с Синъи надолго. И от этого на душе стало так радостно, по-настоящему радостно.

Они вместе направились в детскую, и взрослые, наблюдавшие за ними со стороны, невольно улыбнулись, глядя на двух идущих друг за другом малышей.

— Тетушка Сюй, в следующий раз, когда она придет, сразу звоните мне. Не пускайте ее на порог, — Хуа Сюньси потерла переносицу. — Иначе Синьи каждый раз будет плакать, видя ее, а это вредно для здоровья.

Она говорила чистую правду: если бы Синьи из-за слов Инъюань продолжала так убиваться, это рано или поздно подорвало бы ее самочувствие.

Сейчас малышка еще не все понимает, поэтому редкие слезы — это не так страшно. Но когда она подрастет и начнет осознавать происходящее, разве Синьи или Эньнин смогут остаться равнодушными к подобному отношению?

...

Тао Синьи предпочла забыть об этом инциденте как о досадном недоразумении. В конце концов, ее жена Эньнин рядом, они играют в игрушки в детской — какие могут быть жалобы?

Пусть это немного по-детски, зато как весело! Она снова скатилась с горки, и ее, как обычно, уверенно подхватили.

Однако она заметила, что настроение у Эньнин не самое лучшее, и, взяв ее за руку, спросила, что случилось. Только не говорите, что ее жена Эньнин думает об этой злой женщине, Чжао Инъюань! Пожалуйста, пусть это будет не так.

Но опасения подтвердились: Хэ Эньнин чувствовала, что мама и папа ее бросили. Мама только что развернулась и ушла, явно дав понять, что она ей больше не нужна.

Глядя на то, как девочка пытается сдержать слезы, Тао Синьи невольно задумалась: не слишком ли часто она сама плачет? Чуть что — сразу в рев. Хорошо, что родители ее так любят, иначе кто бы выдержал такие капризы?

Но ее жене сейчас так горько, что сердце сжимается. Она подняла руку, вытерла катившиеся слезы и тихо прошептала:

— Сестричка Эньнин, не плачь.

— Синьи... кажется, мама меня бросила... — Хэ Эньнин все же не выдержала, и крупные слезы посыпались на пол. — Мама меня больше не хочет...

— Все хорошо, сестричка Эньнин, я рядом, — Тао Синьи было так больно на это смотреть, что она даже забыла о том, что ей не стоит говорить полными предложениями. Она поспешила утешить ее.

Она изо всех сил обняла девочку, погладила по спине и снова и снова повторяла, что она здесь, Тао Синъи рядом, и в доме Тао ее всегда будут ждать.

Она помнила, что это всего лишь история. Но ей было искренне жаль Хэ Эньнин, независимо от того, является ли она сама героиней этой книги.

Каждый человек рождается для того, чтобы его любили просто так, а Эньнин не сделала ничего плохого. Ее оставили здесь не по своей воле, а потому что другие заставили ее повзрослеть раньше времени. Так называемая привязанность в ее семье строилась лишь на выгоде.

Она без устали утешала подругу, хотя детское тело быстро утомлялось и сил оставалось совсем мало. Но она не хотела видеть слез Хэ Эньнин; тот момент, когда сердце пронзила острая боль, она не хотела вспоминать никогда.

Хэ Эньнин постепенно успокоилась, и Синъи наконец выдохнула. Глядя, как та сама вытирает слезы салфеткой, Тао Синъи вновь поразила ее рассудительности.

Такой разумный ребенок — разве стала бы она плакать, если бы не дошла до предела?

А этот сдавленный плач... Она пыталась выкинуть из головы тот образ, но сердце ныло от жалости.

Силы окончательно покинули ее, тело обмякло, и навалилась такая сонливость, что идти стало трудно.

Ах, Тао Синъи, продержись еще немного, доберись до кровати... Она даже хотела ущипнуть себя, но побоялась, что боль только усилится, и сдержалась.

Когда она уже почти упала на пол, Хэ Эньнин поспешила подхватить ее и помогла дойти до кровати.

Ох... слишком высоко, самой не забраться.

Она легонько коснулась Хэ Эньнин:

— Сестричка Эньнин, я хочу спать. Передай, пожалуйста, маме, что я благодарю тебя.

Увидев, что та вышла из комнаты, она успокоилась, прислонилась к краю кровати и закрыла глаза.

Узнав от Хэ Эньнин, что Синъи уснула, Хуа Сюньси тут же отложила дела и направилась в детскую.

Синъи сама точно не смогла бы забраться на кровать, да и Эньнин вряд ли помогла бы ей взобраться... Где же она улеглась?

Она приоткрыла дверь и увидела, как малышка прикорнула у края кровати. Хуа Сюньси осторожно вытерла слюнку у нее с губ и переложила девочку на постель.

То ли от того, что кровать была такой мягкой, то ли по какой-то другой причине, но в тот момент, когда Хуа Сюньси увидела улыбку своего маленького ангелочка, ее сердце окончательно растаяло.

<http://bllate.org/book/20735/2076117>